

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы

К.В. Асмолов, О.С. Пугачева

Аннотация. В мае 2022 г. президентом Республики Корея (Южная Корея, РК) стал Юн Сок Ёль, представляющий консервативные политические силы. Он выступил за скорейшую нормализацию отношений с Японией, отдавая приоритет прагматичному сотрудничеству двух стран. Консервативные правящие круги в Южной Корее демонстрируют ориентированность на развитие и углубление сотрудничества со странами коллективного Запада, включая Японию, разделяющими ценности либеральной демократии. Президент Юн Сок Ёль считает Японию «партнером», с которым можно противостоять общим угрозам, в частности в лице Северной Кореи (Корейская Народно-Демократическая Республика, КНДР). Основную ставку его администрация делает на расширенное сдерживание северного соседа, в реализации которого признается роль Японии в рамках трехстороннего формата сотрудничества РК – США – Япония. При этом администрация Юн Сок Ёля подчеркивает стремление развивать с Токио отношения, ориентированные на будущее, выражая готовность не поднимать спорные вопросы исторического прошлого. Вместе с тем, проблема оценки колониального прошлого РК и вопросы выстраивания отношений с Японией являются крайне чувствительным вопросом южнокорейской внутривластной жизни. В связи с этим актуальным представляется проследить влияние внутренней политики на курс РК в отношении Японии.

В статье показано, что японское направление политики Юн Сок Ёля – часть внутренней борьбы за формирование исторической памяти, в то время как противостояние консервативных сил дискурсу прогрессистов служит в том числе цели легитимизации политического курса действующей администрации в отношении Японии. По мнению авторов, пропагандистско-исторический нарратив президента Юн Сок Ёля свидетельствует о попытке отхода от антияпонизма как ключевого элемента идеологии. Авторы рассматривают ключевые характеристики японского дискурса президента Юн Сок Ёля, а также причины, определившие его политику нормализации и укрепления отношений с Токио. В заключение представлены оценки относительно перспектив прояпонского курса Юн Сок Ёля и отношений Сеула и Токио, в том числе в свете итогов парламентских выборов, которые прошли в РК 10 апреля 2024 г.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, исторические споры, политика памяти, дискурс Юн Сок Ёля в отношении Японии, южнокорейско-японские отношения.

Авторы:

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@iccaras.ru

Пугачева Оксана Сергеевна, научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1031-9085; E-mail: pugacheva@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В., Пугачева О.С. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы // Японские исследования. 2024. № 3. С. 113–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects

K.V. Asmolov, O.S. Pugacheva

Abstract. In May 2022, Yoon Suk Yeol, representing conservative political forces, became the President of the Republic of Korea (ROK, South Korea). He advocated the speedy normalization of relations with Japan, giving priority to pragmatic cooperation between the two countries. The conservative ruling circles in South Korea are focused on developing and deepening cooperation with the countries of the collective West, including Japan, which share the values of liberal democracy. President Yoon considers Japan a “partner” with whom it is possible to counter common threats, in particular North Korea (Democratic People's Republic of Korea, DPRK). His administration aims at the extended deterrence of its northern neighbor, the implementation of which recognizes the role of Japan within the trilateral format of cooperation between the ROK, the United States, and Japan. On the other hand, Yoon's administration emphasizes its intention to develop future-oriented relations with Tokyo, expressing its readiness not to raise controversial issues of the historical past. However, the issue of assessing the colonial past of the ROK as well as ones of building relations with Japan are an extremely sensitive matter in South Korean domestic political life. In this regard, it is relevant to trace the influence of domestic politics on the ROK's course towards Japan.

The article shows that Yoon Suk Yeol's Japanese policy is part of the internal struggle for the formation of historical memory, while the opposition of conservative forces to the discourse of progressives also serves the purpose of legitimizing the political course of the current administration towards Japan. According to the authors, the propaganda-historical narrative of President Yoon indicates an attempt to move away from anti-Japanese sentiment as a key element of the South Korean ideology. The authors examine the key characteristics of the Japanese discourse of President Yoon Suk Yeol, as well as the reasons that determined his policy of normalizing and strengthening relations with Tokyo. In conclusion, assessments are presented regarding the prospects for Yoon's pro-Japanese course and relations between Seoul and Tokyo, including in light of the results of the parliamentary elections that took place in the ROK on April 10, 2024.

Keywords: Republic of Korea, Japan, historical disputes, politics of memory, Yoon Suk Yeol's discourse regarding Japan, South Korean-Japanese relations.

Authors:

Asmolov Konstantin V., Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow of the Center for Korean Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS; address: Russia 117997, Moscow, Nakhimovsky Pr., 32). ORCHID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@iccaras.ru

Pugacheva Oksana S., Research Fellow of the Center for Korean Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS; address: Russia 117997, Moscow, Nakhimovsky Pr., 32). ORCHID: 0000-0003-1031-9085; E-mail: pugacheva@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Asmolov, K.V., Pugacheva, O.S. (2024). Politika Yun Sok Elya v otnoshenii Yaponii: prichiny izmeneniya podkhoda i perspektivy [Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 113–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Введение

Отношения между Южной Кореей и Японией до сих пор отягощены грузом спорных вопросов колониального прошлого, в числе которых принудительная трудовая мобилизация корейцев на японские предприятия, шахты и судостроительные верфи в период колониальной оккупации, проблема «женщин для утешения» – корейнок, которые были вынуждены работать в японских полевых борделях времен Второй мировой войны, ассимиляционная политика японских властей в Корее, вопросы интерпретации в Японии корейской истории. В 1965 г. на фоне установления дипломатических отношений Сеул и Токио подписали ряд соглашений, предусматривавших урегулирование претензий¹. В соответствии с договоренностями Япония предоставила РК пакет экономической помощи в качестве компенсации за 35-летнюю оккупацию Кореи. РК, в свою очередь, соглашалась не поднимать вопросы компенсации в будущем. Соответственно, Япония считает, что все требования о компенсациях по имуществу, правам физических и юридических лиц должны считаться окончательно урегулированными. Однако южнокорейская общественность и жертвы японской оккупации не согласны с подобной позицией Токио, настаивая на праве индивидуальных компенсаций и требуя, чтобы Япония признала ответственность за колонизацию Кореи, которую в РК, в отличие от Японии, считают нелегитимной.

При южнокорейской прогрессивной администрации Мун Чжэ Ина (2017–2022) отношения между двумя странами достигли самой низшей точки за весь период после установления дипломатических отношений в 1965 г. Мун Чжэ Ин еще в ходе предвыборной кампании обещал пересмотреть соглашение² по «женщинам для утешения»³, заключенное между двумя странами в 2015 г. и призванное «необратимо решить» данную проблему, в то время как Токио высказался категорически против пересмотра соглашения. Токио выполнил свои обязательства касательно взноса 1 млрд иен в созданный фонд для поддержки бывших «женщин для утешения». Но в РК соглашение подверглось резкой критике, инициированной релевантными негосударственными организациями (НГО), которые в случае выполнения южнокорейской стороной своих обязательств оказались бы сняты с госфинансирования. В декабре 2017 г. в обзоре рабочей группы Министерства иностранных дел РК, изучившей документы переговоров, приведших к заключению соглашения 2015 года между Сеулом и Токио, было сказано о том, что «несмотря на соглашение, проблема остается в значительной степени «нерешенной», поскольку жертвы еще не восприняли ее как форму извинения». Общественные организации и некоторые жертвы требовали признания Японией юридической ответственности за совершенные преступления, однако после заключения соглашения Токио заявил, что фонд не связан с какой-либо юридической ответственностью, и отказывался признавать официальную юридическую ответственность за свои действия, поскольку считал, что проблема с «женщинами для утешения» уже решена в рамках «сделки»⁴.

¹ Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation (with Protocols, Exchanges of Notes and Agreed Minutes). Signed at Tokyo, on 22 June 1965. <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8473-English.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

² Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion // Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 28, 2015. https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (дата обращения: 18.04.2024).

³ Стоит отметить, что в силу непопулярности соглашения 2015 г. в обществе все кандидаты в ходе президентских выборов 2017 г. заявили о намерении его пересмотреть [Дьячков 2019, с. 78].

⁴ Jung Min-kyung. Park administration kept parts of ‘comfort women’ agreement secret // Korea Herald. December 17, 2017. <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20171227000797> (дата обращения: 18.04.2024).

После прихода к власти в мае 2017 г. Мун Чжэ Ина Сеул в итоге фактически отказался выполнять свою часть обязательств. В июле 2019 г. созданный по соглашению 2015 года фонд был закрыт, хотя к этому времени около половины из 1 млрд иен (почти 9 млн долларов США), полученных из Токио, были потрачены⁵, включая выплаты 34 из 47 выживших вианбу [Hein 2020, p. 60].

В 2018 г. Верховный суд РК предписал двум японским компаниям выплатить компенсации жертвам принудительной трудовой мобилизации Японией в период Второй мировой войны, тем самым вновь подняв вопросы, которые, согласно позиции Токио, уже были урегулированы двусторонним договором об основах отношений 1965 г. При принятии решения южнокорейский суд исходил из того, что урегулирование вопроса между государствами не отменяет право корейцев, привлекавшихся к принудительному труду, подавать индивидуальные иски на компенсации, которые непосредственно они так и не получили⁶. Однако Токио полагал, что поскольку правительство РК уже получило компенсации в соответствии с договором 1965 г., то оно и должно выплачивать их своим потерпевшим гражданам.

В ответ на решение Верховного суда РК правительство Японии усложнило процедуры для экспорта в РК фторированного полиимида, фторорезиста и фтороводорода, ключевых материалов для производства полупроводников, и исключила Южную Корею из списка стран, которым предоставлен режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Сеул ответил зеркально, лишив Японию статуса государства с РНБ. Кроме того, РК подала иск во Всемирную торговую организацию в связи с предпринятыми Японией мерами экспортного контроля и была готова не продлевать с Японией истекавшее соглашение об обмене разведывательными данными (JSOMIA), но в последний момент под давлением США объявила об отсрочке выхода из соглашения, обусловив окончательное решение по этому вопросу требованием отмены японских экономических ограничений⁷. Таким образом, разногласия по вопросам колониального прошлого привели к понижению уровня торговых связей РК и Японии и фактически к замораживанию двусторонних отношений.

Стоит отметить, что «торговая война» между Сеулом и Токио носила достаточно ограниченный характер в силу взаимозависимости двух стран в полупроводниковой индустрии и их интеграции в глобальные цепочки поставок полупроводниковой продукции [Kim 2021, p. 113]. Эта «война» скорее была призвана придать убедительности позициям по историческим вопросам, будучи рассчитана на внутреннюю аудиторию. Глубокая взаимозависимость двух стран в области производства микроэлектроники служила фактором, сдерживающим эскалацию не только торговых противоречий, но и трений по историческим вопросам. В частности, среди южнокорейской политической элиты в независимости от партийной принадлежности сложился консенсус о необходимости не допустить ликвидации японских активов⁸, так как это могло бы привести к новым ограничениям со стороны Японии. В связи с этим стоит отметить, что «[в] среднем в месяц РК импортировала соответствующие химические вещества на сумму 33,6 млн долл., а экспортировала полупроводники и детали дисплеев, производство которых зависит от этих импортных химикатов, на сумму 8,4 млрд долл.» [Goodman 2019, p. 22].

⁵ Правительство РК возместило фонду выплаченные компенсации, с тем чтобы не использовать японские средства [Дьячков 2019, с. 79].

⁶ Japan to lift restrictions on export of 3 chip components to Korea // Ministry of Foreign Affairs of the ROK. March 22, 2023. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320788 (дата обращения: 18.04.2024).

⁷ Kim Min Joo, Denyer S. Under U.S. Pressure, South Korea Holds off Ending Intelligence Pact with Japan // The Washington Post. November 22, 2019. https://www.washingtonpost.com/world/asia-pacific/under-us-pressure-south-korea-holds-off-ending-intelligence-pact-with-japan/2019/11/22/14aada0-0d09-11ea-8054-289aef6e38a3_story.html (дата обращения: 18.04.2024).

⁸ South Korea has broad 'consensus' to avoid Japan asset sale: ambassador. Interview by Yun Duk-min, South Korea's ambassador to Japan, to Nikkei on Aug. 9. // Nikkei Asia. August 10, 2022. <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/South-Korea-has-broad-consensus-to-avoid-Japan-asset-sale-ambassador> (дата обращения: 18.04.2024).

В мае 2022 г. президентом РК стал Юн Сок Ёль, представляющий консервативные политические круги. Он выступил за скорейшую нормализацию отношений с Японией, отдавая приоритет прагматичному сотрудничеству двух стран. Действующий президент занимает ультраправую позицию в отношении КНДР. Основную ставку его администрация делает на расширенное сдерживание, в реализации которого признается роль Японии в рамках трехстороннего формата сотрудничества РК – США – Япония⁹. Консервативные правящие круги в Южной Корее демонстрируют ориентированность на развитие и углубление сотрудничества со странами коллективного Запада, включая Японию, разделяющими ценности либеральной демократии. В новогоднем обращении к нации 1 января 2023 г. президент РК Юн Сок Ёль заявил, что «солидарность на основе универсальных ценностей – самый стратегический выбор в нынешней дипломатической ситуации»¹⁰.

Стремясь восстановить отношения с Токио, в марте 2023 г. администрация Юна предложила план, призванный решить вопрос о выплате компенсаций 15 корейцам, которые выиграли судебные иски против японских фирм, обвиняемых в использовании принудительного труда корейцев во время Второй мировой войны. План предусматривает выплату компенсаций за счет пожертвований южнокорейских компаний, которые в прошлом воспользовались японскими грантами и займами в соответствии с двусторонним договором об основах отношений 1965 года. Данный подход был положительно воспринят Токио, и в течение 2023 г. Сеулу и Токио удалось нормализовать отношения, урегулировать «торговый спор», возобновить «челночную дипломатию» лидеров двух стран и активизировать сотрудничество двух стран в области безопасности в рамках трехстороннего формата под руководством США.

Администрация Юн Сок Ёля подчеркивает стремление развивать с Токио отношения, ориентированные на будущее, выражая готовность не поднимать спорные вопросы исторического прошлого. В качестве основы и отправной точки для нормализации двусторонних отношений администрация Юн Сок Ёля взяла совместную декларацию о примирении бывшего президента-прогрессиста Южной Кореи Ким Дэ Чжуна и бывшего премьер-министра Японии Обути Кэйдзо¹¹. В этой декларации стороны пообещали преодолеть прошлое и строить «новое японо-корейское партнерство на пути к XXI веку», в то время как Токио выразил раскаяние и принес извинения за преступления в период японского колониального правления¹². Таким образом Декларация Ким Дэ Чжуна – Обути Кэйдзо выступила символом позитивного общего прошлого двух стран. Стоит отметить, что декларация была принята прогрессивным президентом и используется консервативными кругами РК для легитимизации проводимой политики в отношении Японии и парирования критики со стороны оппозиции¹³. При этом апелляции к ранее достигнутым договоренностям, в том числе к данной декларации, ранее были нередки для японского правительства, обвиняющего Сеул в том, что он постоянно «двигает ворота» [Harold 2019, p. 41–48].

Вместе с тем проблема оценки колониального прошлого РК и вопросы выстраивания отношений с Японией являются крайне чувствительным вопросом южнокорейской

⁹ The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy. P. 10. https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=16&page=1 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁰ New Year Address to Nation by President Yoon Suk Yeol. January 1, 2023. <https://eng.president.go.kr/speeches/rUtGA9YG> (дата обращения: 18.04.2024).

¹¹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

¹² Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. October 8, 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения: 18.04.2024).

¹³ [사설] 민주당 식이면 김대중 전 대통령이 원조 친일, 굴종 외교 아닌가 [[От редакции] Если это стиль Демократической партии, то разве дипломатия бывшего президента Ким Дэ Чжуна не была прояпонской и раболепной?] // Chosun Ilbo. March 7, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/07/IBV24MITI5AMVF3NK7UCI3VBHBU/> (дата обращения: 18.04.2024).

внутриполитической жизни. В связи с этим актуальным представляется проследить влияние внутренней политики на курс РК в отношении Японии. По мнению авторов, пропагандистско-исторический нарратив президента Юн Сок Ёля свидетельствует о попытке отхода от антияпонизма как ключевого элемента внешнеполитической идеологии. Научную и практическую значимость имеет выделение основных причин, определивших смену подхода к Японии правительством Юн Сок Ёля. В заключении авторы дают оценки относительно перспектив прояпонского курса президента Юн Сок Ёля и отношений Сеула и Токио, в том числе в свете итогов парламентских выборов, которые прошли в РК 10 апреля 2024 г.

Политика в отношении Японии как часть внутриполитической жизни Республики Корея

По мере развития демократии в Южной Корее вопросы, связанные с политикой в отношении Японии, оценкой колониального прошлого и южнокорейской истории, превратились в фактор внутриполитической борьбы между прогрессистами и консерваторами [Glosserman 2015; Kimura 2019; Jo 2022]. Острая партийность в интерпретации корейской истории является следствием использования исторических вопросов в качестве средства внутренней политики как оппозицией, так и властью [Дьячков 2019, с. 80]. Каждый лагерь выстраивает свой пропагандистско-исторический нарратив, на который в том числе влияет и логика фракционной борьбы. При этом некоторые исследователи отмечают, что различные исторические нарративы политических сил свидетельствуют и об отсутствии среди политической элиты РК консенсуса относительно будущего страны и ее идентичности [Jo 2022, p. 767].

С конца XIX в. Япония представляла для Кореи «значимого другого» или даже, как считают некоторые исследователи, «онтологического врага», в антагонизме к которому развивалась и конструировалась корейская идентичность [Seo 2021]. При этом стоит отметить определенную дихотомию, связанную с колониальным прошлым обоих корейских государств. С одной стороны, политическая риторика об агрессивной и грабительской колониальной политике Японии в Корее и акцентирование на негативных аспектах колониального периода. С другой стороны, и на Севере, и на Юге из опыта Японии, вплоть до организации репрессивного аппарата, брали много.

Южнокорейские диктаторы, начиная с первого президента РК Ли Сын Мана [Cheong 1991, p. 142–143], использовали широко распространенные среди населения антияпонские настроения и националистические чувства для стабилизации своих авторитарных режимов и дистанцирования от прошлой метрополии с целью консолидации южнокорейского государства. При Ли Сын Мане антияпонизм был равен антикоммунизму, и в связке с национализмом они лежали в основе идеологии и внешней политики Сеула того времени. Южная Корея отказывалась идти на нормализацию отношений с Японией, выступая в том числе против американской трактовки мирного договора с Японией по вопросу о репарациях [Юнгблюд 2020]. Так, согласно Сан-Францисскому мирному договору, Корея не являлась «союзной державой», воевавшей против Японии, в связи с чем взаимные претензии должны были быть урегулированы в двустороннем порядке.

В РК при Ли Сын Мане не была проведена люстрация в отношении корейской коллаборационистской элиты – тех, кто работал в аппарате генерал-губернаторства, полиции, добровольно состоял на службе в японской армии [Иванов 2014; Ермолаева 2024]. Во-первых, по причине острой нехватки кадров, во-вторых, главным врагом был объявлен коммунизм [Асмолов 2015; Иванов 2014, с. 230]. Поэтому именно коллаборационисты («прояпонские элементы») составили костяк гражданской администрации при Ли Сын Мане: они имели управленческий опыт и были яркими антикоммунистами. С другой стороны, при Ли Сын Мане

начал формироваться исторический миф о тотальном сопротивлении корейцев японскому колониальному режиму [Иванов 2014, с. 230].

Переговоры о нормализации отношений между Республикой Корея и Японией заняли 14 лет. 22 июня 1965 г. Южная Корея подписала Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей. Соглашения включали пакет финансовой помощи в размере 800 млн долл. США (200 млн долл. – государственные займы, 300 млн долл. – гранты и 300 млн долл. – коммерческие кредиты)¹⁴. Взявший ускоренный курс на нормализацию отношений с Японией Пак Чон Хи стремился за счет средств, полученных от Японии, обеспечить экономическое восстановление Южной Кореи, валовой национальный продукт которой в то время составлял 1/23 японского и 1/3 северокорейского [Ogawa 2024]. Пак Чон Хи считал, что у Республики Корея есть два врага: коммунизм в Северной Корее и антияпонские настроения, настаивая на том, что РК должна отдать приоритет получению средств из Японии путем переговоров [Ogawa 2024].

Правительство Пак Чон Хи отказалось от своих требований об индивидуальных компенсациях правительством Японии непосредственно конкретным жертвам японского колониального правления [Hein 2020, p. 60], вместо этого настояв на предоставлении Японией пакета экономической помощи, который южнокорейские власти впоследствии потратили на индустриализацию страны. Это одномоментное вложение, примерно равное по сумме годовому бюджету страны, внесло важный вклад в «Чудо на реке Ханган»¹⁵. Что касается компенсаций пострадавшим южнокорейским гражданам, то правительство Пак Чон Хи в 1975 г. выплатило семьям погибших жертв принудительной трудовой мобилизации компенсации на общую сумму 8,12 млн долл. США¹⁶, при этом были установлены сложная процедура и ограниченные временные рамки для подачи заявлений на получение компенсаций. В 1973 г. была создана Ассоциация семей погибших в войне на Тихом океане, члены которой выступили против предложенных южнокорейским правительством мер компенсации, раскритиковав в числе прочего полагавшуюся к выплате мизерную сумму в размере 300 000 вон (268 долл. США) на человека [Hein 2020].

После демократизации РК многие бывшие принудительно мобилизованные Японией рабочие начали подавать иски с требованием компенсаций, сначала в японские суды, а с 2000 г. в суды Южной Кореи. Проблема принудительного труда времен японского колониализма и индивидуальных возмещений все больше превращалась в вопрос внутренней политики РК. Стоит отметить, что до президента Мун Чжэ Ина, предыдущие администрации РК – как консервативные, так и прогрессивные – придерживались позиции, что все претензии к Японии были урегулированы договором 1965 года [Hein 2020]. В августе 2005 г. при администрации Но Му Хёна РК озвучила свою позицию, согласно которой договор 1965 года разрешил все вопросы, за исключением компенсаций «женщинам для утешения», сахалинским корейцам и жертвам атомной бомбардировки¹⁷. Одновременно в том же 2005 г. под давлением общественности южнокорейское правительство опубликовало засекреченные документы периода японо-корейских переговоров 1963–1965 гг., которые свидетельствовали о том, что Пак Чон Хи сам отказался от предложений японцев выплатить индивидуальные компенсации напрямую жертвам принудительной мобилизации [Park 2007, p. 69].

¹⁴ Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation (with Protocols, Exchanges of Notes and Agreed Minutes). Signed at Tokyo, on 22 June 1965. <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8473-English.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁵ Одно из названий послевоенного экономического чуда Южной Кореи.

¹⁶ Park Byong-su. [Column] Japanese foreign minister's faulty understanding of forced labor ruling? // Hankyoreh. November 7, 2018. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/869269 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁷ Park Byong-su. [Column] Japanese foreign minister's faulty understanding of forced labor ruling? // Hankyoreh. November 7, 2018. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/869269 (дата обращения: 18.04.2024).

Администрация Но Му Хёна, признала, что вопрос компенсаций принудительного труда был урегулирован двусторонним договором с Японией, и перенесла ответственность за индивидуальные компенсации на южнокорейское правительство. В ноябре 2007 г. был принят закон, предусматривающий компенсацию жертвам трудовой повинности военного времени [Repeta 2008]. Правительство Но Му Хёна выплатило компенсации 66 985 жертвам принудительного труда и членам их семей по 20 млн вон (17 843 долл. США) на человека¹⁸.

Антияпонские настроения в Южной Корее особенно усилились к середине 2000-х гг. в результате того, что прогрессисты, выступившие на авансцену южнокорейской политики, добились мобилизации коллективной памяти о колониальном прошлом [Jo 2022]. Посещение храма Ясукуни высокими должностными лицами Японии, положительные оценки японского колониального правления в Корее и соответствующее отражение военного периода в японских учебниках истории, учреждение Дня Такэсима (японское название островов Лианкур, которые находятся под контролем РК и по-корейски называются Токто) и т.д. – все это вызывало среди южнокорейского населения глубокие антияпонские чувства, которые не могли не учитывать политические силы, в независимости от их партийной и идеологической принадлежности.

Апеллировали в политических целях к националистическим и антияпонским настроениям избирателей не только прогрессисты, но и консерваторы, которые также подчеркивали, что Япония вступила на путь исторического ревизионизма. Однако антияпонский национализм в большей степени был оружием в руках представителей прогрессивных политических кругов [Yang 2021], которые использовали его для дискредитации и делегитимизации консервативных политических сил и их политики, особенно в отношении Японии. Консерваторов в прогрессивном дискурсе все более настойчиво ассоциировали с авторитарными режимами прошлого.

Прогрессисты категорически осуждали корейских коллаборационистов, которые сотрудничали с метрополией в период колониального владычества Японии в Корее, так называемых *чхинильхва*. Ярлык *чхинильхва*, равнозначный «предателю нации», получили первый президент РК Ли Сын Ман, который не смог и не захотел провести люстрацию, а также «отец южнокорейского экономического чуда» Пак Чон Хи, бывший офицером японской армии в колониальный период [Park 2020, p. 178]. При этом на многих этот ярлык вешали некорректно, так как «прояпонской» их деятельность можно было назвать с большой натяжкой [Иванов 2014, с. 238].

Демократы начиная с времен президентства Но Му Хёна начали распространять нарратив, согласно которому значительная часть южнокорейской консервативной элиты является потомками «прояпонских элементов». Отчасти это делалось из желания «утопить» Пак Кын Хе, дочь бывшего диктатора Пак Чон Хи, которая была руководителем оппозиционной политической партии¹⁹. Собственно при Но Му Хёне были приняты законы с обратной силой – «Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации» 2004 г. и «Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей» 2005 г., которые использовались как внутривнутриполитическое оружие против находившихся в оппозиции консерваторов [Иванов 2014, с. 235].

Прогрессисты критиковали как «прояпонские элементы», так и авторитарные режимы собственной страны, утверждая, что именно они несут ответственность за то, что Япония в послевоенный период так и не раскаялась за собственные исторические преступления.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Это не совсем соответствовало действительности, так как нынешнее поколение консерваторов «вышло из шинели» Ким Ен Сама, который вывел из политики как политиков-военных, так и консерваторов более старшего возраста. Но об этом демократы молчат, так как Ким был лидером системной оппозиции, а потом объединил партии с Ро Дэ У, чтобы стать его преемником.

В частности, Базовый договор 1965 года с Японией, подписанный Пак Чон Хи, представляется в прогрессивном политическом дискурсе нелегитимным на том основании, что он был заключен авторитарным лидером без учета воли и интересов народа. В связи с этим для многих южнокорейцев решение Верховного суда об индивидуальных компенсациях 2018 года «представляет собой восстановление прав после продолжительной борьбы с могущественными силами, включая их собственное правительство»²⁰.

Как отмечалось выше, первые иски подавались в японские суды, но они были проиграны истцами: суды постановили, что их претензии были урегулированы договором 1965 года. Поначалу этой же позиции придерживались и южнокорейские суды. Однако обнародование документов касательно южнокорейско-японских переговоров 1963–1965 гг. привело к созданию национальной комиссии, которая пришла к выводу, что договор не распространяется на «незаконные действия против человечества»²¹. Хотя правительство Но Му Хёна выплатило компенсации ряду жертв, многие ничего так и не получили. На этом фоне бывшие рабочие стали добиваться права требовать компенсаций непосредственно от японских компаний, на которые они работали в период военного времени.

Дело было не только в компенсациях, но и в том, чтобы заставить Японию взять на себя полную ответственность за колониальную оккупацию Кореи и принудительную мобилизацию корейцев в период войны на Тихом океане. Юридический спор между двумя странами касается того, было ли колониальное правление в Японии законным [Hein 2020; Lee 2016]. Решения Верховного суда РК 2012, а затем и 2018 г., не только подтвердили право южнокорейских граждан предъявить иски релевантным японским компаниям выплатить компенсации по делам о принудительном труде в период колониального правления Японии в Корею, но и признали, что японская колонизация Кореи была нелегитимной. Представитель МИД РК в 2019 г. следующим образом изложил позицию РК при Мун Чжэ Ине: «Корея добросовестно соблюдала соглашение 1965 года с Японией и не намерена его нарушать. Не отрицая соглашения, постановление Верховного суда указывает, что вопросы компенсации ущерба, понесенного жертвами принудительного труда в связи с незаконным колониальным правлением и агрессивной войной Японии, не были урегулированы данным соглашением, поскольку Япония в ходе длительных переговоров... отказалась принять на себя юридическую ответственность за колонизацию Кореи»²².

Внутренняя и внешняя политика администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, в частности откровенные перегибы при президентстве последнего в направлении «приватизации» националистического дискурса, привели к активизации в середине 2000-х гг. ультраправых сил [Yang 2021]. Как отмечает профессор социологии Университета Чунъян Син Чжин Ук, «новые правые» представляют собой ультраправое академическое и политическое движение, которое возникло как реакция на социально-политические изменения в РК после ее демократизации и которое становится с тех пор все более влиятельным²³.

²⁰ Choe Sang-Hun, Motoko Rich. The \$89,000 Verdict Tearing Japan and South Korea Apart // The New York Times. February 13, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html> (дата обращения: 18.04.2024).

²¹ Choe Sang-Hun, Motoko Rich. The \$89,000 Verdict Tearing Japan and South Korea Apart // The New York Times. February 13, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html> (дата обращения: 18.04.2024).

²² Kim In-chul. Japan Is Not Keeping Agreement With Korea -Korea has faithfully complied with the 1965 claims agreement with Japan and has no intention of breaking it // Ministry of Foreign Affairs of the ROK. September 6, 2019. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5691/view.do?seq=319065&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (дата обращения: 18.04.2024).

²³ Shin Jin-wook. [Column] Why is Yoon Crawling Further toward the Far Right? // Hankyoreh. October 9, 2023. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/english_editorials/1111385 (дата обращения: 18.04.2024).

«Новые правые» выступают за более благоприятный взгляд на авторитарное прошлое страны и бывших авторитарных лидеров, они склонны занижать роль борцов антияпонского сопротивления и считать, что японский колониализм сыграл решающую роль в модернизации Кореи и установлении либеральной демократии в Южной Корее. В свою очередь благодаря либеральной демократии, согласно убеждению «новых правых», РК сохранилась как государство в ее конфронтации с Севером и смогла достичь экономического роста [Engel 2023]. Представители «новых правых» утверждали, что «просеверокорейская левая администрация Но Му Хёна нарушала легитимность и конституцию Кореи и подрывала ее рыночную экономику» [Dae 2017].

«Новые правые» инициировали дебаты о том, когда именно берет свое начало современная южнокорейская государственность: сначала в исторических кругах²⁴, затем с приходом к власти консерватора Ли Мен Бака спор об этом перешел в политическое поле. Значительная часть представителей консервативной элиты настаивает, что начало южнокорейской государственности следует отсчитывать с 1948 г., когда была основана Республика Корея. В свою очередь, прогрессивные политические круги склонны проследить корни корейской идентичности и государственности к 1919 г., когда в Шанхае было создано Временное корейское правительство. Прогрессисты аргументируют это отсылкой на преамбулу конституции РК, в которой говорится, что «корейский народ основал Республику Корея посредством Движения 1 марта»²⁵. С точки зрения левых кругов, позиция правых сил в отношении Дня основания Республики Корея равнозначна отрицанию ими легитимности Временного правительства и приуменьшению роли движения за независимость, что «обесцвечивает» период истории японского колониального правления. Споры по поводу дня основания южнокорейского государства и дня национального освобождения продолжились и при Пак Кын Хе, и при Мун Чжэ Ине [Park 2020; Kim 2020, p. 26–27].

При президентстве прогрессиста Мун Чжэ Ина (2017–2022) антияпонский национализм активно использовался и как политический инструмент против консервативной оппозиции, и как часть его северокорейского курса. Для прогрессистов именно империалистическая Япония ответственна за разделение корейской нации [Kim 2020], а потому она является естественным врагом корейского народа.

Логика политического размежевания по вопросам исторического прошлого играет важную роль в подходах прогрессистов и консерваторов к Северной Корее. И консервативные, и прогрессивные администрации придерживались позиции «поглощения Севера», однако логика фракционной борьбы требовала следования правилу «главное – не как у тех». Консервативные правительства склонны придерживаться жесткого курса в отношении КНДР, считая ее своим главным врагом. В то же время прогрессивные президенты действовали более мягкими методами, стремясь способствовать изменениям и реформам на Севере и присоединить Север к Югу путем политики вовлечения. Консерваторы отводили Японии более важную стратегическую роль, в то время как демократы занижали ее, так как приоритет отдавали межкорейским связям, а антияпонизм в их глазах служил фактором, способствующим сплочению двух корейских государств.

²⁴ После публикации профессором экономики Сеульского национального университета Ли Ён Хуном, который относился к «новым правым», колонки с предложением установить День основания государства РК. См.: 정치권 건국절 논란 1919 VS 1948...왜? [Политические споры о праздновании основания государства РК: 1919 VS 1948...В чем причины?] // KBS. August 17, 2017. <https://news.kbs.co.kr/news/mobile/view/view.do?ncd=3534698> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁵ 정치권 건국절 논란 1919 VS 1948...왜? [Политические споры о праздновании основания государства РК: 1919 VS 1948...В чем причины?] // KBS. August 17, 2017. <https://news.kbs.co.kr/news/mobile/view/view.do?ncd=3534698> (дата обращения: 18.04.2024).

Оголтелый антияпонизм Мун Чжэ Ина, стремление левых «искоренить глубоко укоренившееся зло» в лице «прояпонских элементов»²⁶, к которым обычно относились их политические оппоненты, способствовали углублению политических противоречий и активизации консервативной части политической и интеллектуальной элиты, которая в свою очередь пыталась дистанцироваться от прогрессивных нарративов и продвигать собственную интерпретацию истории страны. Еще в 2013 г. вышла книга Пак Ю Ха «“Женщины комфорта” империи», в которой автор, основываясь на показаниях «женщин для утешения» (*вианбу*) и иных документальных свидетельствах, представила проблему *вианбу* в более нюансированном ключе: не отвергая случаи насильственного рекрутирования корейских женщин в японские бордели, автор показал и иные жизненные ситуации, в которых некоторые из них действовали по собственной воле, с целью таким образом прокормить семью [Yi 2023].

В 2019 г. была опубликована книга «Антаяпонский трайбализм», ставшая бестселлером. В ней утверждалось, что корейская историография исключительно негативных аспектов японского колониального правления, в том числе *вианбу*, основана на мифах антияпонски настроенных левых и националистических южнокорейских историков [Yang 2024]. В частности, авторы отрицали элемент принуждения в рекрутировании *вианбу*, утверждая, что большинство из них стали жертвами корейских «сутенеров», а некоторых даже продали их родственники²⁷. В южнокорейских консервативных газетах открыто критиковали антияпонский национализм и политизацию антияпонских настроений, в частности философ Юн Бён Чжун в статье 2019 г. под названием «Антаяпонский просеверокорейский национализм угрожает Республике Корея» настаивал на необходимости сотрудничества РК с Японией для того, чтобы выжить в сложных геополитических условиях и не допустить «экспансии гегемонии Китая» [Yang, Asahina 2024].

Таким образом, появляется все больше публикаций, которые ставят под сомнение националистический исторический нарратив по таким вопросам, как «женщины для утешения» и трудовая мобилизация корейцев японскими властями. На уровне лидеров общественного мнения точки зрения на проблемы колониального прошлого становятся более разнообразными, получает развитие альтернативный нарратив, и в конечном итоге это бросает вызов историческому мифу о тотальном сопротивлении корейцев японскому колониальному режиму, а также мифу о том, что колонизация Кореи императорской Японией была исключительно репрессивной.

Глубокая поляризация политических сил в РК и необходимость противостоять националистической риторике прогрессивного лагеря побуждают консерваторов прибегать к постнационалистическому неолиберальному дискурсу движения «новых правых» [Yang 2021], так как «старые» правые себя идейно дискредитировали. Примером тому стал пропагандистско-исторический нарратив Юн Сок Ёля, с приходом к власти которого наблюдается рост влияния «новых правых». Как прогрессисты, так некоторые консерваторы высказывают обеспокоенность по поводу крайне правой политики Юна, который к тому же поставил на важные государственные посты представителей «новых правых». В частности, на пост заместителя советника по национальной безопасности был назначен Ким Тхэ Хё, связанный с организациями «новых правых». Ким Кван Дон, который принимал участие в составлении «альтернативных» корейских учебников «новых правых» по современной и новейшей истории в 2008 г., стал главой Комиссии по установлению истины и примирению в декабре 2022 г. [Engel 2023]. Министром объединения Юн Сок Ёлем был назначен Ким Ён Хо, который в прошлом являлся председателем руководящего комитета аналитического центра «новых правых» New Right Think Net. Он также принимал активное участие в Textbook Forum,

²⁶ См., например: Kang Seung-woo. Anti-Japan nationalism taking hold in Korea // Korea Times. August 20, 2020. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/08/356_294700.html (дата обращения: 18.04.2024).

²⁷ Editorial. What a shame! // Korea Times. August 26, 2019. https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2019/08/202_274590.html (дата обращения: 18.04.2024).

организации «новых правых», занимающейся историческими проблемами, которая была создана в 2005 г. [Engel 2023]. Другой пример – Ли Бэ Ён, председатель президентской национальной комиссии по образованию, который принимал участие в составлении авторизованного учебника истории во время президентства Пак Кын Хе. В 2023 г. председателем Корейской комиссии по коммуникациям был назначен Ли Дон Кван, который в 2004 г., будучи директором политического бюро газеты Dong-A Ilbo, продвигал взгляды «новых правых»²⁸.

В речах президента Юн Сок Ёля, произнесенных им по случаю двух знаменательных для южнокорейской истории и идентичности дат – 77-й годовщины освобождения Кореи²⁹ и 104-й годовщины Движения за независимость³⁰, четко прослеживается фрейм о том, что цель Движения за независимость – это построение демократического государства. Акцент делается на усилиях корейцев, главным образом южных, создать свободную и демократическую страну, а не на опыте борьбы за освобождение от японских колонизаторов. Значение движения за независимость расширяется, оно приравнивается к движению РК за свободу в целом – от времен начала Движения за независимость до наших дней. Тем самым одновременно принижается роль антияпонского сопротивления корейских партизан.

Внутриполитическая задача подобного дискурса заключается в том числе в стремлении снять клеймо прояпонских коллаборационистов с консервативных политических сил и реабилитировать в глазах общественности бывших авторитарных лидеров страны. Так, Юн Сок Ёль к числу «великих борцов за независимость», помимо «тех, кто принес высшую жертву, сражаясь против японских империалистов, и тех, кто проявлял благородство, помогая вооружать и обучать борцов за независимость», относит и «других борцов за независимость, которых мы никогда не должны забывать»: «тех, кто культивировал не только дух нации, но и ее способность строить либеральную демократию, сосредоточив внимание на образовательных и культурных программах в стране и за рубежом; тех, кто боролся с коммунистическим вторжением, защищая нашу свободу и демократию; как руководителей, так и рабочих, трудившихся над тем, чтобы заложить экономический фундамент, позволивший укоренить подлинную свободу; и давайте не будем забывать, что те, кто пожертвовал собой и посвятил себя институциональной демократии, также являются лидерами нашей независимости»³¹. Консерваторы позиционируют себя сторонниками примирения с прошлым – как колониальным, так и авторитарным, обвиняя прогрессивный лагерь в использовании антияпонского национализма во внутриполитических целях, в частности с целью дискредитации правящей администрации и ее политики в отношении Японии.

Вместе с тем политическая поляризация в РК не ослабевает. Отражением продолжающейся межпартийной борьбы посредством использования исторической политики при Юн Сок Ёле стали споры по поводу наследия первого президента РК Ли Сын Мана и намерения консервативных кругов возвести в его честь памятник³², а также разногласия относительно принятого в августе 2023 г. решения Корейской военной академии убрать со своей территории бюст борца за независимость Хон Бом До, партизанского командира,

²⁸ Kim Mi-na. Flying “new right” flag, Korea’s Yoon Suk-yeol charges toward ideological rule // Hankyoreh. September 7, 2023. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1107576 (дата обращения: 18.04.2024).

²⁹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁰ Address by President Yoon Suk Yeol on 104th March First Independence Movement Day. March 1, 2023. <https://eng.president.go.kr/speeches/lpuJ3C1r> (дата обращения: 18.04.2024).

³¹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

³² [사설] 4·19 주역들의 이승만 재평가, 나라에 희망 주는 화해와 통합 [[От редакции] Переоценка Ли Сын Мана главными героями Апрельской революции, примирение и единство, дающие надежду стране] // Chosun Ilbo. March 28, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/28/4JMY3TPSRBPFDKMOZMGNS4FNY/> (дата обращения: 18.04.2024).

сражавшегося в 1907–1922 гг. с японскими колонизаторами в Корее, Маньчжурии и на территории российского Дальнего Востока³³. Одновременно левая оппозиция выступает против проводимой администрацией Юн Сок Ёля политики в отношении Японии, называя ее «дипломатией унижения», которая идет вразрез с национальными интересами страны³⁴.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что разногласия среди политической элиты РК по поводу колониального и авторитарного прошлого страны служат существенным фактором, влияющим на современную южнокорейскую политику в отношении Японии. Японское направление политики Юн Сок Ёля – часть внутренней борьбы за формирование исторической памяти, в то время как противостояние консервативных сил дискурсу прогрессистов служит в том числе цели легитимизации политического курса действующей администрации в отношении Японии.

Отход Юн Сок Ёля от антияпонизма как основы южнокорейского политического нарратива

До недавнего времени государственный антияпонизм оставался важной частью южнокорейского политического нарратива, позволяя переключать внимание населения с внутривнутриполитических проблем на то, что «Токио до сих пор не извинился». И хотя, как отмечает И. В. Дьячков, спекуляции на исторических обидах были темой для неполиткорректной сатиры еще 16 лет назад³⁵, до прихода к власти Юн Сок Ёля каждый президент РК вносил свою лепту в рост напряженности в отношениях Сеула и Токио [Дьячков 2024]. Даже консервативные президенты использовали первоапрельскую риторику для того, чтобы добавлять определенные блоки обвинений и проблем. Ли Мён Бак актуализировал тему Токто, а Пак Кын Хе перенесла проблему «женщин для утешения» из публичного поля в политическое, что позволило заключить соглашение 2015 года.

Более того, в определенной мере первоапрельская тематика служила основой для межкорейских контактов, поскольку совместное обличение японского колониального ига было беспроблемным вариантом посадить северян и южан за один стол.

Однако в 2023 г. в своей речи по поводу 104-й годовщины движения³⁶ президент Юн прямо сказал, что «спустя столетие после начал Первоапрельского движения за независимость Япония превратилась из милитаристского агрессора прошлого в партнера, разделяющего с нами те же универсальные ценности», а «трехстороннее сотрудничество между Республикой Корея, Соединенными Штатами и Японией стало более важным, чем когда-либо, для преодоления кризисов в области безопасности, включая растущие ядерные угрозы Северной Кореи».

Отметим и то, что Юн внес существенные изменения и в трактовку событий, предшествовавших движению: «104 года спустя мы должны оглянуться назад на то время,

³³ Асмолов К. Ажиотаж вокруг бюста Хон Бом До как зеркало исторической политики РК // Новое восточное обозрение. 17.09.2023. <https://journal-neo.su/ru/2023/09/17/azhiotazh-vokrug-byusta-hon-bom-do-kak-zerkalo-istoricheskoy-politiki-rk/> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁴ 이광길 [Ли Кван Гиль]. 야, “일본에 무슨 약점 잡혔기에 굴욕외교 거듭하나” [Оппозиция, «Какая слабость перед Японией, чтобы повторять унижительную дипломатию?»] // Tongil News. January 3, 2023. <https://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=206990> (дата обращения: 18.04.2024); 정은주 [Чон Ён Чжу]. “강제동원, 정부 ‘유력안’은 일본 전쟁범죄 면책해주는 방안” [«Принудительная мобилизация, “мощный план” правительства – это план по освобождению Японии от военных преступлений»] // Tongil News. December, 28, 2022. <https://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=206937> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁵ Korean History Channel // JustKiddingFilms. <https://www.youtube.com/watch?v=Ptyzc4BQliY> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁶ Full text of President Yoon Suk Yeol’s speech on 104th March 1 Independence Movement Day. March 1, 2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230301002300315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

когда мы потеряли наш национальный суверенитет; время, когда наш народ страдал из-за того, что мы не смогли должным образом подготовиться к меняющемуся миру». Можно согласиться, что такая трактовка причин потери независимости ближе к объективной реальности, так как в предшествующие протекторату и аннексии годы правящий режим практически ничего не сделал для модернизации страны и ее возможности противостоять агрессии Японии. Таким образом, в плачевном положении Кореи есть вина не только Японии, но и самих корейцев.

Год спустя президент РК выступил в том же ключе³⁷: о классическом наборе исторических проблем не было упомянуто вовсе, зато Юн Сок Ёль отметил, что теперь Корея и Япония снова работают вместе, чтобы преодолеть болезненное прошлое: «Разделяя ценности свободы, прав человека и верховенства закона, две страны стали партнерами в достижении общих интересов глобального мира и процветания... Сотрудничество в области безопасности между двумя странами против ядерных и ракетных угроз Северной Кореи стало более прочным... Я надеюсь, что в следующем году 60-я годовщина нормализации дипломатических отношений между Кореей и Японией послужит возможностью вывести отношения на более продуктивный и конструктивный уровень». Говоря о конкретных областях сотрудничества Сеула и Токио, президент указал на совместную работу в области безопасности для борьбы с ядерными и ракетными угрозами КНДР, рост туристических обменов, составивший в 2023 г. 9,28 млн человек, а также взаимопомощь в спасении граждан на Ближнем Востоке и в Африке.

Нельзя сказать, что речь была встречена овациями даже в консервативном лагере. В оппозиционной президенту газете Korea Times тотчас отметили, что «в его речи мало что говорилось об уроках, которые нация должна извлечь из своего травмирующего прошлого» и «Юн был осторожен в прямом упоминании Японии как государства, ответственного за трагическое прошлое Южной Кореи»³⁸.

Однако, отмечает далее тот же автор, «Южная Корея ничего не выиграет, если ее связи с Японией снова испортятся в этот критический момент. Это может дорого обойтись на фронте безопасности из-за серьезных геополитических обстоятельств. В Восточной Азии нарастает напряженность, которую некоторые эксперты сравнили с новым противостоянием, похожим на холодную войну, между двумя блоками, каждый из которых состоит из трех стран – один представляет собой коалицию демократических стран, а именно Соединенных Штатов, Южной Кореи и Японии, а другой – авторитарное партнерство, установившееся между Китаем, Россией и КНДР. Если связи Сеула и Токио снова будут сдерживаться из-за споров по историческим вопросам, это окажет медвежью услугу их трехстороннему партнерству с США».

Таким образом, Юн Сок Ёль радикально меняет риторику, поскольку теперь Япония и Южная Корея вместе «дружат против Северной». По мнению президента РК, дух сотрудничества со странами, разделяющими «универсальные ценности» (точнее – ценности американского извода, которые пытаются выдавать за «общечеловеческие») – это «тот же самый дух, который призывал к свободе и независимости нашей нации 104 года назад». Поэтому сегодня верный способ почтить прошлое – не прекращать усилий «по защите и расширению нашей свободы, а также нашей непоколебимой веры в универсальные ценности».

Представляется, что изменение позиции Юн Сок Ёля связано не только (и не столько) с давлением США, сколько с его личной позицией. Для бывшего генерального прокурора очень важно, чтобы все осуществлялось «по правилам», и он исходит из того, что платить по счетам должен Сеул, а не Токио. Как отмечалось ранее, согласно рассекреченным документам касательно заключения договора об установлении дипломатических отношений между двумя странами 1965 года, во время переговоров японская сторона предлагала выплату компенсаций

³⁷ Full text of President Yoon Suk Yeol's speech on 105th March 1 Independence Movement Day// Yonhap News. March 1, 2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240301002100315?section=search> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁸ Woo Jae-yeon. (EDITORIAL from Korea Times on March 4) // Korea Times. March 4, 2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240304000400315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

конкретным жертвам, но Пак Чон Хи предпочел потратить все на скорейшую индустриализацию [Hein 2020, p. 60]. Именно поэтому, с точки зрения Токио, вопрос о выплатах жертвам закрыт и, видимо, Юн считает такую трактовку верной.

Есть и иные факторы, которые могут влиять на позицию Сеула³⁹. Во-первых, это «глобальная турбулентность», усиление противостояния США и стран Запада с Китаем и Россией, трансформация архитектуры глобальной безопасности, которые приводят к складыванию новой блоковой системы [Бабаев 2023]. А то, что сторонники «общечеловеческих ценностей» должны держаться вместе, для президента РК – не фигура речи, а часть мировоззрения. Юн Сок Ёль является в большей степени прагматиком, соответственно, общая с Японией угроза в настоящем, какой ему видится КНДР, для него, очевидно, гораздо важнее споров о прошлом. Выступая 15 августа 2022 г. по случаю Дня освобождения Кореи от японского колониального господства, Юн заявил, что «сегодня Япония является нашим партнером, поскольку мы сталкиваемся с общими угрозами... Корейско-японские отношения будут двигаться к общему будущему, и когда миссия нашего времени совпадет, основываясь на наших общих универсальных ценностях, это также поможет нам решить исторические проблемы, существующие между нашими двумя странами»⁴⁰.

Во-вторых, в течение последних двух лет правления Мун Чжэ Ина государственный антияпонизм был подточен рядом неприятных скандалов. Наиболее громкая история касалась Юн Ми Хян, которая с 2005 по 2020 г. возглавляла НГО «Корейский совет справедливости и памяти по вопросам сексуального рабства в армии», занимавшуюся вопросами «женщин для утешения». В мае 2020 г. одна из выживших «женщин для утешения» прямо обвинила ее в присвоении пожертвований и иных релевантных преступлениях⁴¹. И хотя в итоге фигурантка дела «о бизнесе на бабушках» отделалась условным сроком за растрату⁴² и даже вернулась к активизму, неприятных моментов все равно остается много. Эти скандалы дискредитируют антияпонский тренд и косвенно льют воду на мельницу «новых правых», тем самым основа для обвинений Японии потихоньку начинает размываться, так как выходит, что профессиональные борцы с японскими происками имели не патриотические, а личные мотивы, будучи заинтересованными в сохранении госфинансирования.

В-третьих, стоит учитывать, что еще со времен конца правления Мун Чжэ Ина рост антикитайских настроений в РК существенно потеснил антияпонские⁴³. По данным опроса от 16–17 июня 2023 г., 76% респондентов заявили, что не доверяют Китаю⁴⁴. Результаты иного опроса показали, что 33,5% респондентов в возрасте от 18 до 28 лет испытывают к Китаю наибольшую антипатию⁴⁵. Это тоже означает, что популистам становится выгоднее использовать антикитайскую, а не антияпонскую карту, в то время как Япония выступает в деле сдерживания Китая естественным союзником РК.

³⁹ Подробнее см. Асмолов К.В. Юн Сок Ёль поворачивает к Японии // Новое восточное обозрение. 23.03.2023. <https://journal-neo.su/ru/2023/03/23/yun-sok-yol-povorachivaet-k-yaponii/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁰ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. 2022, August 15. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴¹ Surviving wartime sex slavery victim criticizes advocacy group // Yonhap news. May 7, 2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200507011200325?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴² Sentence raised to suspended imprisonment for activist-turned lawmaker for embezzling donations for sexual slavery victims // Yonhap news. September 20, 2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230920007600315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴³ См. подробнее: [Асмолов 2022].

⁴⁴ Большинство жителей РК не считают Китай стратегическим партнером // Международное радио Кореи. 19.06.2023. http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=74776 (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁵ Z세대 56.4% “북중러 싫어”...가장 싫은 나라 中 33.5% 日 29.3% 北 17.0% [Поколение Z 56,4% «Ненавидят Северную Корею, Китай и Россию» ... Самая ненавистная страна: Китай – 33,5%, Япония – 29,3%, Северная Корея – 17,0%] // Dailian. 2023. <https://www.dailian.co.kr/news/view/1245910/?sc=Naver> (дата обращения: 18.04.2024).

Заключение

На парламентских выборах в РК в апреле 2024 г. победили демократы, тем самым оппозиция продолжит контролировать парламент. Вместе с тем представляется, что это не скажется значимым образом на внешнеполитическом курсе Юн Сок Ёля в отношении Токио. С одной стороны, сотрудничество с Японией не было в числе факторов, приведших консерваторов к поражению на выборах. С другой стороны, в вопросах внешней политики Юн обладает большей свободой действий, так как надо меньше иметь дело с парламентом, соответственно, по мнению авторов, южнокорейский президент продолжит свой курс в отношении Японии.

Тем не менее, существуют факторы, которые налагают определенные ограничения на возможности сближения РК и Японии. Во-первых, подход Юна к нормализации отношений с Токио не решает существующие исторические противоречия между двумя странами, а лишь «заметает их под ковер» [Давыдов 2023]. Прослеживается скептическое отношение южнокорейского общества к прояпонскому курсу Юн Сок Ёля.

Во-вторых, это отсутствие межпартийного консенсуса в РК относительно политики в отношении Японии. Более того, и в части консервативных кругов прослеживается критика отдельных аспектов подхода Юна к налаживанию отношений с Японией и неудовлетворенность ответными действиями Токио. В частности, высказывались предостережения о том, что «не нужно торопиться» и что Юн Сок Ёль «не должен безропотно мириться с ситуацией, в которой Япония пытается ее [РК] использовать»⁴⁶. Отметим, что также существуют опасения относительно складывания ситуации, в которой Япония может «вмешиваться» в производство полупроводников в Южной Корее в рамках продвигаемого США сотрудничества в области цепочек поставок технологической продукции между Сеулом, Вашингтоном, Токио и Тайбэем⁴⁷.

В-третьих, усилия националистической фракции Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), направленные на «забвение» нелицеприятных аспектов императорского прошлого Японии [Deason 2022], романтизацию ее «героического» прошлого и размывание ответственности за преступления японского милитаризма [Стрельцов 2019]. Япония идет по пути отказа от ограничений на военное строительство и «пацифистско-покаятельной» дипломатии, все более активно и жестко отстаивает свои международные интересы. Это наглядно продемонстрировала достаточно сдержанная реакция Токио на дипломатические шаги Юн Сок Ёля по налаживанию двусторонних отношений, хотя правительство Юн Сок Ёля надеялось на активные ответные действия Японии, подразумевая выражение извинений японской стороной и намекая на возможность добровольного участия японских компаний в южнокорейском фонде помощи пострадавшим от принудительного труда на японских предприятиях при министерстве внутренних дел Южной Кореи⁴⁸.

Премьер-министр Японии Ф. Кисида не принес явных извинений во время саммита в Токио в марте 2023 г., заявив только то, что в целом наследует исторические представления прошлых

⁴⁶ [단독] “日 정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론” [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/7SXWXRGDNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁷ [단독] “日 정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론” [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/7SXWXRGDNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁸ “절반의 컵, 남은 물은 日이 채워야” 외교가, 강제동원 해법 ‘호응’ 촉구 [韓·日 정상방문 12년 만에 재개] [«Стакан наполовину полон, оставшаяся часть должна быть наполнена Японией». Дипломатия призывает к «позитивному ответу» на решение проблемы принудительной мобилизации [южнокорейско-японская челночная дипломатия возобновляется спустя 12 лет]] // Segye. March 14, 2023. <https://m.segye.com/view/20230314519189> (дата обращения: 18.04.2024).

правительств. Южнокорейская общественность резонно обратила внимание на то, что японские кабинеты в прошлом не только выражали раскаяние по поводу исторических проблем, но и отрицали преступления милитаристского режима. Японские компании отказались принимать какое-либо участие в компенсации индивидуальных исков корейских жертв принудительного труда на японских фабриках в годы Второй мировой войны, так такая компенсация могла бы расцениваться как признание незаконности японской колонизации Кореи, в то время как Япония настаивает, что «японское колониальное правление в Корее осуществлялось на законных основаниях, и воинская повинность была политикой для всех японских граждан в то время»⁴⁹. Продолжают иметь место такие «раздражители», как посещение японскими политиками храма Ясукуни, который ассоциируется с японским милитаризмом, издание учебников, в которых замалчиваются зверства японцев в военное время, а Токто помечен как «собственная территория Японии»⁵⁰. Заявления МИД РК по этим вопросам выдержаны в «старой» стилистике. Нерешенным остается вопрос о том, в какой мере это будет иметь характер ритуальных действий, а в какой может повлиять на курс южнокорейского правительства.

Опора правых правительств в Японии на националистическую политическую базу и «усталость» японского общества от критики РК в адрес Японии за ее поведение во Второй мировой войне и требований извиниться не позволяют надеяться на взаимопонимание двух стран в преодолении исторических противоречий. Несмотря на рост популярности в РК ультраправых взглядов на колониальное прошлое, опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что Южная Корея не готова забыть прошлое ради будущего. Национализм остается основой государственной политики РК, а определенный градус антияпонских настроений поддерживается системой образования [Ким, Соловьёв 2023]. Южнокорейская позиция склоняется к тому, чтобы двигаться в будущее, помня прошлое. Суть не в том, чтобы прошлое было забыто, а в том, чтобы оно не мешало реализации поставленных нынешней администрацией внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

В краткосрочной перспективе стоит ожидать сохранения статус-кво в южнокорейско-японских отношениях и расширения контактов двух стран в продвигаемых США форматах взаимодействия в АТР, включая трехстороннее сотрудничество в сфере безопасности. Однако насколько устойчивы и долгосрочны факторы, которые способствуют сближению РК и Японии? Прежде всего, сложно говорить о долгосрочности и какой-либо стратегии применительно к внешнеполитическому курсу РК. Особенности политического устройства и внутривнутриполитической жизни накладывают ограничения на возможность страны мыслить и действовать стратегически. В случае прихода к власти в РК прогрессистов отношения двух стран могут подвергнуться новой «встряске».

Это отнюдь не говорит о том, что установление прогрессивной администрации может кардинально затормозить выстраивание Вашингтоном треугольника РК – США – Япония. Этот процесс активизировался еще при Мун Чжэ Ине – после прихода к власти в США президента Джо Байдена [Harold 2021]. В перспективе курс Юн Сок Ёля ведет к усилению не только зависимости от США и Японии в области безопасности, но и экономической зависимости РК от США и выстраиваемых Вашингтоном структур координации в технологической сфере. Это может служить фактором, ограничивающим южнокорейско-японские трения по историческим вопросам. Вместе с тем высока вероятность конкуренции Сеула и Токио за привилегированные отношения

⁴⁹ [단독] “日 정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론 [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/TSXWXRGDFNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁵⁰ [사설] 日 교과서 역사 왜곡, 日에 선부른 기대 말고 냉정한 국익 외교를 [[От редакции] Японские учебники искажают историю; не возлагайте поспешных ожиданий от Японии и проводите хладнокровную дипломатию в национальных интересах] // Chosun Ilbo. March 29, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/29/ALWLCTDCAJB6DNFOISJMDQ7T2Q/> (дата обращения: 18.04.2024).

и статус главного союзника США в Азии. Осознание того, что РК будет иметь второстепенное значение в стратегии США по сравнению с Японией, может привести к всплеску антияпонских настроений. Таким образом, южнокорейско-японская связка останется «слабой точкой» создаваемой Вашингтоном конструкции. Выйти из антагонизма в отношении Японии остается для РК непростой задачей. И дело не только в том, что преодоление исторических противоречий требует политической воли, консенсуса среди политических сил и в обществе, а также времени. Разница в стратегических приоритетах двух стран, конкуренция на мировых рынках, низкий уровень доверия друг к другу дают основания предположить о возможных откатах в двусторонних отношениях в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К. Хуже только коммунисты. Почему в Южной Корее до сих пор опасно признаваться в симпатиях к Японии // Лента. 15.12.2015. <https://lenta.ru/articles/2015/12/15/antijap/?ysclid=lucrql1i95z91398211> (дата обращения: 18.04.2024).
- Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Вып. XXVII. С. 254–267. DOI: 10.48647/IFES.2022.74.22.015.
- Бабаев К.В. Стратегический треугольник Россия–США–КНР и будущее Северо-Восточной Азии // Корееведение. 2023. № 4. С. 66–78. DOI:10.48647/ICCA.2023.27.21.006.
- Давыдов О.В. К итогам трёхстороннего саммита США–РК–Япония: корейский угол // ИМЭМО РАН. 22.08.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner> (дата обращения: 18.04.2024).
- Дьячков И.В. 2024. Исторические обиды в отношении Японии в политике Юн Сок Ёля. Современные проблемы Корейского полуострова 2024. Москва: ИКСА РАН. В печати.
- Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10029>. (дата обращения: 18.04.2024).
- Ермолаева Е.М. 2024. Деятельность Специального комитета по расследованию преступлений против нации в Республике Корея (1948–1949 гг.). Современные проблемы Корейского полуострова 2024. Москва: ИКСА РАН. В печати.
- Иванов К.В. Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей»: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Иркутск. 2014. https://files.isu.ru/ru/science/boards/hist5/dissert/docs/ar_ivanov.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
- Ким Н.Н., Соловьёв А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 2. С. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>.
- Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49.
- Юнгблуд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–119. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10030>.

REFERENCES

- Asmolov, K. (2015, December 15). Khuzhe tol'ko kommunisty. Pochemu v Yuzhnoi Koree do sikh por opasno priznavat'sya v simpatiyakh k Yaponii [The Only Thing Worse Is the Communists. Why Is It Still

- Dangerous in South Korea to Admit to Liking Japan?]. *Lenta*. Retrieved April 18, 2024, from <https://lenta.ru/articles/2015/12/15/antijap/?ysclid=luqrqli95z91398211> (In Russian).
- Asmolov, K. (2022). O prichinakh rosta antikitskikh nastroyenii v Yuzhnoi Koree [On the Reasons for the Growth of Anti-Chinese Sentiment in South Korea]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 27, 254–267. (In Russian). DOI: 10.48647/IFES.2022.74.22.015
- Babaev, K. (2023). Strategicheskii treugol'nik Rossiya – SSHA – KNR i budushchee Severo-Vostochnoi Azii [Strategic Triangle Russia–USA–China and the Future of Northeast Asia]. *Koreevedenie*, 4, 66–78. (In Russian). DOI:10.48647/ICCA.2023.27.21.006
- Davydov, O. (2023, August 22). K itogam trekhstoronnego sammita SSHA–RK–Yaponiya: koreiskii ugol [On the Results of the US–ROK–Japan Trilateral Summit: The Korean Corner]. *IMEMO*. Retrieved April 18, 2024, from <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner/> (In Russian).
- Dyachkov, I. V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema «zhenshchin dlya komforta» v sovremennykh yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective Memory and Politics: “Comfort Women” in Current Relations Between South Korea and Japan]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 72–87. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10029>
- Dyachkov, I. (2024). Istoricheskie obidy v otnoshenii Yaponii v politike Yun Sok Elya [Historical Grievances Vis-à-vis Japan in Yoon Suk-yeol's Policy]. In *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova 2024* [Korean Peninsula: Current Issues 2024]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). In print.
- Ermolaeva, E. (2024). Deyatel'nost' Spetsial'nogo komiteta po rassledovaniyu prestuplenii protiv natsii v Respublike Koreya (1948–1949 gg.) [Activities of the Special Committee to Investigate Anti-National Crimes in the Republic of Korea (1948–1949)]. In *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova 2024* [Korean Peninsula: Current Issues 2024]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). In print.
- Ivanov, K. (2014). *Istoricheskie problemy Korei perioda 1905–1945 gg. i ikh sovremennoe nasledie: kolonial'naya modernizatsiya, assilyatsiya koreitsev i problema “proyaponskikh deyatelei”* [Historical Problems of Korea in the Period of 1905–1945 and Their Contemporary Legacy: Colonial Modernization, Korean Assimilation, and the Problem of “Pro-Japanese Figures”]. Candidate of Sciences Dissertation, Irkutsk State University. Retrieved April 18, 2024, from https://files.isu.ru/science/boards/hist5/dissert/docs/ar_ivanov.pdf (In Russian).
- Kim, N.N., Soloviev, A.V. (2023). Antikolonial'nye i postkolonial'nye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya [Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea]. *Journal of International Analytics*, 14 (2), 49–72. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>
- Streltsov, D. (2019). Yaponskii regionalizm epokhi Sindzo Abe cherez prizmu tsennostnogo podkhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzō Abe Through the Prism of Value Approach]. *World Economy and International Relations*, 6 (9), 38–49. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49
- Yungblud, V., Sadakov, D. (2020). Yaponno-koreiskoe uregulirovanie v politike SSHA, 1953–1965 gg. [Japan–Korea Settlement in US Policy, 1953–1965]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 98–118. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10030>

* * *

- Cheong, Sung-hwa. (1991). *The Politics of Anti-Japanese Sentiment in Korea: Japanese-Korean Relations Under American Occupation, 1945–1952*. New York: Greenwood Press.
- Dae, Young Ryu. (2017). Political Activities and Anti-Communism of Korean Protestant Conservatives in the 2000s. *Asian Journal of German and European Studies*, 2. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40856-017-0016>
- Deacon, C. (2022). (Re)producing the ‘History Problem’: Memory, Identity and the Japan–South Korea Trade Dispute. *The Pacific Review*, 35 (5), 789–820. DOI: 10.1080/09512748.2021.1897652
- Engel, B. A. (2023, August 18). Reframing South Korea's History: Yoon's Dance With the New Right. *KOREA PRO*. Retrieved April 18, 2024, from <https://koreapro.org/2023/08/reframing-south-koreas-history-yoons-dance-with-the-new-right/>

- Glosserman, B., Snyder, S. A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States*. New York City: Columbia University Press.
- Goodman, S. M., Kim, D., VerWey, J. (2019, October). *The South Korea-Japan Trade Dispute in Context: Semiconductor Manufacturing, Chemicals, and Concentrated Supply Chains*. United States International Trade Commission Office of Industries. Working Paper ID-062. Retrieved April 18, 2024, from https://usitc.gov/publications/332/working_papers/the_south_korea-japan_trade_dispute_in_context_semiconductor_manufacturing_chemicals_and_concentrated_supply_chains.pdf
- Harold, S. W., Grossman, D., et al. (2019). *The Thickening Web of Asian Security Cooperation. Deepening Defense Ties Among U.S. Allies and Partners in the Indo-Pacific*. RAND Corporation.
- Harold, S., Hiroyasu, A., et al. (2021). *The U.S.-Japan Alliance and Rapid Change on the Korean Peninsula. Proceedings from a Pair of Conferences*. RAND Corporation.
- Hein, P. (2020). The Ambiguities of Amending Historical Injustices and Espousing a Shared Collective Memory: The WWII Forced Labour Narratives in Germany and Japan. *State Crime Journal*, 9 (1), 47–70. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.9.1.0047>
- Jo, Eun A. (2022). Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean-Japanese Relations. *International Organization*, 76, 767–798. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818322000194>
- Kim, Suk Yeon. (2020). Korean Students in Imperial Japan: What Happened After 1919? *Sungkyun Journal of East Asian Studies*, 20 (1), 1–36.
- Kim, Yang-Hee. (2021). A Study on South Korea's "Decoupling From Japan" Response to Japan's Reinforcement of Export Regulations. *Seoul Journal of Japanese Studies*, 7 (1), 91–118.
- Kimura, K. (2019). *The Burden of the Past: Problems of Historical Perception in Japan-Korea Relations*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10006543>
- Lee, Seokwoo, Lee, HeeEun. (2016). *The Making of International Law in Korea: From Colony to Asian Power*. Leiden: Brill Nijhoff.
- Ogawa, A. *The Miracle in 1965*. Retrieved April 18, 2024, from <https://web.archive.org/web/20150619131212/http://www.okazaki-inst.jp/miracle65.html>
- Park, Cheol Hee. (2020). South Korean Views of Japan: A Polarizing Split in Coverage. In G. Rozman (ed.), *Joint U.S.-Korea Academic Studies*, Vol. 31. Korea Economic Institute of America.
- Park, Soon-Won. (2007). The Politics of Remembrance: The Case of Korean Forced Laborers in the Second World War. In Gi-Wook Shin, Soon-Won (eds.), *Rethinking Historical Injustice and Reconciliation in Northeast Asia: The Korean Experience* (pp. 55–74). New York: Routledge.
- Repeta, L. (2008, January 1). Foreign Ministry Failure to Provide Documents on 1965 Japan-Korea Normalization Pact Is Illegal: Tokyo Court. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Retrieved April 18, 2024, from <https://apjif.org/Lawrence-Repeta/2641/article>
- Seo, Jungmin. (2021). Diagnosing Korea-Japan Relations Through Thick Description: Revisiting the National Identity Formation Process. *Third World Quarterly*. DOI: 10.1080/01436597.2021.1937098
- Yang, M., Asahina, Y. (2024). Strange Bedfellows: Why Right-Wing Intellectuals in South Korea Chose to Cooperate With Their Country's Former Coloniser. *Nations and Nationalism*, 30 (1), 128–143. DOI: 10.1111/nana.12984
- Yang, Sungik. (2021). An Old Right in New Bottles: State Without Nation in South Korean New Right Historiography. *Journal of Asian Studies*, 80 (4), 889–909. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911821001443>
- Yi, J., Phillips, J. (2023). "Low-Road" Liberalism: Censoring Public Discourses on Communist North Korea and Imperial Japan. *Society*, 60, 212–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-023-00811-6>

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Received: 26 April 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024